

### 3.3. Немецкая тема в русской литературе середины XIX в.

*Как видно из параграфа 2.3., немецкая тема в России уже в начале XIX в. воспринималась достаточно напряженно. Поднятая тогда проблема статуса остзейских губерний приобрела особую остроту в 1840–50-е гг., в первую очередь, благодаря деятельности славянофилов. В последующие десятилетия, на фоне объединения Германии и распространения национальных фобий в России после подавления польского восстания 1863 г., «немецкость» для русских патриотов становится символом угрозы России и русскому характеру. Важно учитывать, что речь шла не просто об антинемецких настроениях, но о сложных дискурсивных конфигурациях, в которых этноним «немец» приобретал целый спектр значений: от буквального (выходец из Германии или ее житель) — до архетипического (интервент, враг), символического (метонимия западной цивилизации, чуждой русскому сознанию) и метафорического.*

*О семантике метафоры «немецкости» и ее биографических источниках у Герцена — убежденного германофоба — будет говориться в разделе 3.3.1. В обширной второй части (3.3.2.) речь пойдет об эволюции немецких образов в произведениях И. С. Тургенева, который близко знал Герцена и, несомненно, учитывал его отношение к «немецкости» и немцам. Эта эволюция прослеживается на материале всего тургеневского творчества. Немецкие персонажи рассматриваются не с точки зрения «каталога» их «формальных» стереотипных признаков, но с точки зрения их семантики и функции, которые меняются в текстах писателя в процессе общего русского национального мифотворчества 1840–70-х гг.*

#### 3.3.1. «Немецкость» как интерпретационная метафора у А. И. Герцена\*

Алексей Вдовин

В 1859 г. в «Колоколе» появилась серия фельетонов Герцена «Русские немцы и немецкие русские». Построенные на обыгрывании «немецкости», статьи суммировали сатирический опыт автора в критике антинародного, а значит «немецкого»

---

\* Работа выполнена при поддержке гранта ЭНФ № 7901 ««Идеологическая география» западных окраин Российской империи в литературе».

«правительствующего» режима и в полемике с либералами-«доктринерами» предлагали программу «*русского социализма*». Подобный комплекс идей и особенно их риторика вызвали большой резонанс. Хотя Герцен отмежевывался и от западников, и от славянофилов, утверждая письме М. К. Рейхель по поводу статьи, что он «*не их* <т. е. западников. — *А. В.*> и *не славянофил* — и те и другие идолопоклонники: одни верят в Парижскую, другие — в Иверскую. Я ни в ту, ни в другую» [Герцен: XXVI, 311], — после выхода статьи его все же пытались записать в славянофилы. Так, Н. А. Мельгунов сообщал Б. Н. Чичерину, что Герцен «открыто переходит на сторону славянофилов» [ЛН: Т. 62. 1955. С. 321]. Правоммерно предположить, что слово «открыто» указывает здесь не только на идеологию Герцена (защита общины и исторической миссии русского народа), но на ее оболочку — фразеологию, славянофильские корни которой безошибочно опознавались читателями — прежде всего, западниками.

Нас будет интересовать генеалогия и семантика одной из ключевых метафор этой фразеологии – этнонима «немецкий / немецкость», который оказывается нагружен многочисленными коннотациями. Поскольку идеи публицистических статей Герцена «неустанно воспроизводятся в “Былом и думах”» [Малиа: 31], мы проследим, как в разножанровых текстах 1850-х гг. Герцен делает «немецкости» символом распада западной цивилизации.

Наделение дополнительными коннотациями лексемы, обозначающей «национальность», — распространенное языковое явление (в русском изначально, как известно, «немец» означал любого иностранца; татарин, т. е. басурманин — врага и т. п.). Такая семантизация, опираясь на исторически сложившиеся национальные стереотипы, имеет дискурсивную природу.

Не пытаясь исчерпывающе описать происхождение анти-немецкого дискурса в русской публицистике, укажем на некоторые претексты, несомненно, важные для Герцена.

Критика большого числа немцев на службе у империи не было в первой трети XIX в. прерогативой славянофилов. Все направления русской мысли 1820-х гг., связанные с политиче-

ской оппозицией, начиная с декабристов, обыгрывали тему немецкого происхождения русской монаршей фамилии<sup>1</sup>. Достаточно назвать сатиру К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева «Царь наш — немец русский» (перепечатанную Герценом в «Полярной звезде» 1859 г.), главу «Русский немец на престоле» книги А. де Кюстина «Россия в 1839 году» и вышедшую в Париже в 1854 г. книгу друга Герцена Н. И. Сазонова «Правда об императоре Николае», в которой много говорилось о германских династических браках, о немецкости всей семьи [ЛН: Т. 41–42. 1941. С. 236–237].

Наконец, и идейно, и фразеологически наиболее близкое к герценовскому изображение «немецкости» русской власти и немецкого образа Николая I содержится в статьях М. А. Бакунина 1840-х гг., которые можно считать непосредственным источником ключевых положений «Русских немцев» Герцена и его более ранних статей начала 1850-х гг.<sup>2</sup>

Таким образом, антинемецкий задор Герцена невозможно возвести лишь к славянофильской публицистике, однако позицию Герцена сближает с ней другой устойчивый мотив — признание кризиса западного мира. О «шаткости духовного мира на Западе» [Хомяков: 134] и о его «гниении» А. С. Хомя-

---

<sup>1</sup> О критике декабристами «немецкости» см.: [Рогов: 108–111].

<sup>2</sup> Ср.: «Нами тоже правит иностранная рука, государь — немец по происхождению; он никогда не поймет ни нужд, ни характера русского народа; его правление, представляющее своеобразное сочетание монгольской жестокости с прусским педантизмом, совершенно исключает национальный элемент» («Речь на собрании в память 17-ой годовщины польского восстания 29 ноября 1847 г. в Париже»; опубли. в: *La Reforme*. 17 дек. 1847 [Бакунин: 274–275]); «Ведь кто же этот Николай? Славянин ли? Нет, гольштейн-готторпский повелитель на славянском троне, тиран иноземного происхождения! Друг ли он своего народа? Нет, расчетливый деспот, без сердца, без чувства ко всему русскому, ко всему славянскому, без малейшего представления о том, что молчаливо и скрыто бродит и кипит в его народе» («Воззвание к славянам русского патриота Михаила Бакунина, члена славянского съезда в Праге», 1848 [Бакунин: 357–358]).

ков, И. В. Киреевский и С. П. Шевырев постоянно писали с начала 1840-х гг.<sup>3</sup> Герцен, сочувственно относившийся к некоторым идеям славянофилов в начале 1840-х гг.,<sup>4</sup> как известно, в 1845 г. крайне скептически воспринял идею Киреевского об исключительной роли славянского мира в обновлении Запада<sup>5</sup>. Однако спустя два года в эмиграции во взглядах Герцена происходит перелом, и в 1847 г. в «Письмах из Франции и Италии» появляются первые ростки будущего смертного приговора европейской цивилизации<sup>6</sup>.

В самом конце 1840-х Герцен увязывает тему «немецкости» с концепцией русского социализма и начинает противопоставлять их. Теперь «немецкость» воспринимается публицистом как главное препятствие на пути русского народа к устройству новых социально-экономических отношений на основе общины. Так, во «Вступлении» к книге «С того берега» (1849) наносной «немецкости» противопоставлен русский народ, сумевший чудом выжить под ее «монгольским игом», а в статье «Россия» (1849) эти славянофильские воззрения артикулированы

---

<sup>3</sup> О циркуляции идеи о «гниении Запада» в русской публицистике 1840-х гг. и ее европейских источниках см.: [Устрялов; Струве; Долинин]. В последней статье см. краткий очерк истории неприязни Герценом Запада [Долинин: 47–50].

<sup>4</sup> Ср. известное признание в дневнике 1844 г: «Странное положение мое, какое-то невольное *juste milieu* в славянском вопросе: перед ними <славянофилами. — А. В.> я человек Запада, перед их врагами человек Востока. Из этого следует, что для нашего времени эти односторонние определения не годятся» [Герцен: II, 354].

<sup>5</sup> Ср. в статье «“Москвитянин” и вселенная» (1845): «г. Киреевский стремится доказать, напротив, что славянский мир может обновить Европу своими началами. После живого, энергического рассказа современного состояния умов в Европе, после картины, набросанной смелой кистью таланта, местами страшно верной, местами слишком отражающей личные мнения, — вывод бедный, странный и ниоткуда не следующий!» [Герцен: II, 137].

<sup>6</sup> В 1880-е гг. П. В. Анненков писал о влиянии хомяковской критики Европы на статьи Герцена конца 1840-х гг. [Анненков: 220].

еще яснее: все реформы Петра были в высшей степени противны подлинному и первоначальному духу народа. Дух этот с трудом поддается определению и идентификации. Русский же крестьянин продолжает считать правительство немецким [Герцен: VI, 219]. Еще К. И. Арабажин, автор словарной статьи о Герцене в словаре Брокгауза, увидел в этих идеях Герцена полемику с гегелевской концепцией, согласно которой пруссаки есть совершеннейшая из всех наций. Герцен же «перенес этого бога в Москву, разделяя с славянофилами веру в грядущую смену германского периода славянским» [Арабажин].

Возникает, однако, вопрос, когда и где Герцен эксплицирует связь «немецкости», противопоставленной «девственному» русскому народу, с темой разлагающегося Запада? И какую роль играет немецкость в вызревании самого влиятельного политического учения Герцена?

Первые подступы к этому делаются в известной книге «О развитии революционных идей в России» (1850–51). Описывая во введении свой выезд из России через Прибалтийские губернии, Герцен противопоставляет балтийских немцев всем остальным жителям империи. Первые — «принадлежат к великой европейской цивилизации», а посему скучны нам «буржуазным педантизмом, подчеркнутым пуризмом и безукоризненной пошлостью поведения» [Герцен: VII, 143]. Как видим, к уже известному нам набору идей присоединяется новый обертон — мотив пошлости европейцев. Для Герцена крушение политических ценностей Запада означает и деградацию личности западного человека.

Знаменательно, что, говоря о предпосылках социализма, Герцен сравнивает возможности немецкого и русского характеров, вступая в область популярных в начале XIX в. представлений об отличительных свойствах духа каждой нации:

Немцы могли быть глубоко радикальными в науке, оставаясь консервативными в своих поступках, поэтами — на бумаге и буржуа — в жизни. Нам же, напротив, дуализм противен [Там же: 252].

Что же побудило Герцена наделить немецкий характер самыми негативными свойствами и сделать его репрезентантом духовного обнищания Европы? Помимо богатой предшествующей традиции, решающим импульсом, заставившим Герцена сделать немецкий характер «ответственным» за всю Европу, стала, по-нашему мнению, семейная драма, виновником которой явился глашатай немецкой революции Георг Гервег. Доказательство этому содержится в пятой части «Былого и дум», где «немецкость» оказывается ключевой интерпретационной метафорой. Очевидно, что исследование различных форм проявления «немецкости» в нравственной сфере требовало более «психологизированных» жанров, нежели публицистика. Раскрытию процесса «падения», опошления европейского человека, предавшего идеалы свободы, равенства и братства, и должны были стать многие главы пятой части «Былого и дум»<sup>7</sup>.

Цитированные строки о немецком характере пишутся Герценом в самый разгар столкновения его семьи с Гервегами в 1850 г. и, судя по всему, отражают широко обсуждавшиеся эмигрантами взгляды на типичный немецкий характер. Так, на Герцена могли повлиять суждения о немецком характере М. Бакунина, высказанные, кстати, в письмах все к тому же Г. Гервегу в 1848 г.: «Как велика низость немецкого филистера, это я только теперь увидел в полной мере. Буржуа нигде не симпатичен, но немецкий буржуа сочетает низость с добродушием» [Бакунин: 367]<sup>8</sup>.

Поскольку Герцен считает дуализм беспомощной фикцией и придумкой христианства, одним из приемов изображения семейства Гервегов в «Былом и думах» становится как раз двойственность их поведения, глубоко неприязненная автору.

---

<sup>7</sup> О символизации образа Гервега см.: [Гинзбург: 43, 52; Рарерно: 12–13].

<sup>8</sup> Бакунинское неприятие Маркса и Энгельса как личностей также совпадает с позднейшим их неприязненным изображением в «Былом и думах» (Герцен, как известно, недолго любил их в т. ч. из-за их вражды с Бакуниным).

Тема эта заявлена уже в начале пятой части «Былого и дум» (писалась в 1854–59 гг.). Среди итальянской, русской, польской эмиграции немецкие выходцы отличались «неотесан[ым], груб[ым], харчевенно-бурсацк[им] характер[ом]» [Герцен: X, 70]. Немецкие революционеры — те же филистеры, в характеристике которых Герцен подчеркивает разрыв между их частной жизнью и социальным поведением:

Самые радикальные люди между немцами в частной жизни остаются филистерами. Смелые в логике, они освобождают себя от практической последовательности и впадают в вопиющие противоречия [Там же: 83]<sup>9</sup>.

Негативным ореолом окружены в главе 37 и образы немецких социалистов — К. Маркса, А. Руге и др., причем критика Герцена направлена не на дискредитацию их идеологии, а на такие, с его точки зрения, неприемлемые черты, как вульгарность, грубость в печатной полемике, не щадящей «ни личн[ой] чест[и], ни семейн[ых] тайн» [Там же: 90], обусловленные дурным немецким воспитанием. Прочитывающиеся здесь отголоски личной драмы Герцена указывают направление, в котором следует искать дополнительные (и, может быть, определяющие) истоки глубокой неприязни Герцена к Марксу и «марксидам» в 1850-е гг.

При всем пиетете к немецкой культуре и особенно к философии, полунемец по рождению, Герцен критически относился к немецкому филистерству и мещанству. Так, например, в дневнике 1844 г. Герцен поражается величайшей роли Гегеля в умственной истории и одновременно полному ничтожеству его филистерской жизни [Там же: II, 378–79].

Особое внимание Герцена к негативным сторонам немецкого характера, как кажется, следует датировать примерно

---

<sup>9</sup> Ср. также: «Все немецкие революционеры — большие космополиты, sie haben überwunden den Standpunkt der Nationalität, и все исполнены самого раздражительного, самого упорного патриотизма. Они готовы принять всемирную республику, стереть границы между государствами, но чтоб Триест и Данциг принадлежали Германии» [Там же: 84].

концом 1849 г. — роковым вторжением Гервега и его жены Эммы в его частную жизнь<sup>10</sup>. Они становятся для Герцена символом нравственной деградации западного мещанского мира, «наследственной, летучей тонкости западного растления» [ЛН: Т. 99. Кн. 1. 1997. С. 202]. Современный европейский человек поглощен «мелким эгоизмом», постоянно ищет позу, роль, завистлив, самолюбив. Гервегу свойствен в «Былом и думах» «эгоизм без всяких границ <...>, доходящий до наивности цинизма». Виноватой в таком характере мужа Герцен считает и его жену Эмму. Их брак носит «резкую печать современного германизма» [Там же: 98]. Немок обуревают «мозговые страсти», т. е. надуманные, литературные, граничащие с психической неводержанностью и эстетической истерикой [Там же].

С не меньшим сарказмом изображает Герцен и участие Гервега в баденском восстании. Здесь снова подчеркивается контраст между создаваемым Гервегом образом поэта-революционера и трусом, которого жена спасает от штыков, пряча в доме у крестьянина (подробнее о подтекстах этой сцены см.: [Schmid: 78–79]). На контрасте наигранной немецкой мелодраматичности и русской искренности построена и «комедия» выдворения Гервегов из дома Герцена в Ницце [ЛН: Т. 99. Кн. 1. 1997. С. 113–115]. Постоянно подчеркивается, что Гервег и Эмма ломают комедию<sup>11</sup>.

С чем же связано такое пристрастное изображение немецкого характера? Понятно, что не только с тем, что именно немец Гервег разрушил семейный очаг Герцена, как это представлено в «Былом и думах». На его месте мог быть «де-

---

<sup>10</sup> Стоит помнить, что в «Былом и думах» отразился, как отмечают современные исследователи, ретроспективный взгляд автора на семейную драму. В действительности письма Герцена Гервегу 1848–1851 гг. рисуют несколько иную картину (см.: [Paregno]).

<sup>11</sup> Ср.: «В другое время я бы расхохотался над этой немецкой декламацией»; «Это продолжение пошлых мелодраматических выходов, отвратительных для меня, — я не немец...»; эпизод с решившим уморить себя голодом Гервегом, поедающим салами [ЛН: Т. 99. Кн. 1. С. 113–116].

мон» (по выражению Н. А. Герцена) любой национальности, однако несомненно, что совпадение национальности Гервегов с разработанной в публицистике метафорой «немецкости» способствовало усилению художественного эффекта мемуарном романе Герцена.

Поскольку концепция «Былого и дум» заключается, по определению И. Паперно, в «приватизации истории и историзации приватности» [Паперно: 102–103; Paperno: 6], можно говорить о том, что каждое явление описывается в мемуарах как личное и как общественное в их нерасторжимой связи, как “inside” и “outside”<sup>12</sup> одной и той же вещи. Так же, по нашему мнению, обстоит дело и с «немецкостью». В публицистике Герцен описывает ее как историческое и социальное явление, а в пятой части «Былого и дум», где метафоры «снаружи» и «внутри» накладываются на категории *чужого* и *своего*, — как частное.

Рассуждая далее, нельзя не заметить изоморфизма в конструировании образа «немецкости» в публицистике и в «Былом и думках». В пятой части мемуаров ключевые высказывания Герцена о немецком характере располагаются в главах о немецкой эмиграции и главе “Inside”. Такая конструкция обеспечивает построение конфликта в пятой части. С одной стороны, немцы из-за своего характера «провалили» революцию<sup>13</sup>, которая оказалась, по мнению Герцена, самой комичной из всех европейских. С другой стороны, вторжение растленной «немецкости» в образ Гервега в частную жизнь «дв[ух] русск[их] натур, вступивши[х] в единоборство с западным растлением» [Герен: XXV, 111], является главным «внутренним», т. е. частным конфликтом пятой части «Былого и дум». В «Рус-

---

<sup>12</sup> Заглавием черновой рукописи о семейной драме, опубликованной лишь в 1997 г. в томе «Литературного наследства», было именно слово “inside”.

<sup>13</sup> Ср.: «В Германии, кроме Вены, она <революция. — А. В.> была исполнена комизма несравненно больше юмористического, чем комизм прегадкой гетевской комедии “Der Bürgergeneral”» [Герцен: X, 85].

ских немцах...», написанных спустя год после завершения главы “Inside” (1858), драматическая коллизия русской жизни описана как вторжение и засилье немцев в сердце русской нации — на престоле, в высших государственных учреждениях, среди интеллектуальной элиты<sup>14</sup>.

Таким образом, параллелизм частного и общего указывает на ключевой принцип герценовского историзма, о котором автор писал в известном фрагменте о старом романе «Армийский» (пятая часть «Былого и дум»), где столкновение старого и нового миров воспроизводилось «у семейного очага», «раздавленного при встрече двух мировых колес истории» [ЛН: Т. 99. Кн. 1. С. 95–96].

Драматическая коллизия исторической судьбы России, выросшая из противостояния «немецкости» и «русскости», разыгрывается по тем же нотам и в отдельно взятой семье. Создавая две параллельных смысловых конструкции, Герцен в очередной раз воспроизводит излюбленную модель исторической динамики, наступательного и всегда случайного хода истории. И в этой драме «национальности» отведена отнюдь не второстепенная роль.

Таким образом, перед нами неизбежно встает о вопрос о герценовском национализме — комплексе представления об исключительной роли русской нации в будущей истории Европы. Современные исследователи (А. Павлов) приходят к выводу, что во взглядах Герцена «антизападный национализм» (M. Malia) сочетается с «левым космополитизмом» (E. Acton). Не претендуя на решение этой терминологической задачи, укажем на неоднозначность герценовского словоупотребления этнони-

---

<sup>14</sup> По сути дела, конструирование немецкого пространства внутри России — это создание образа врага. Чей это враг? Прежде всего, это враг всего русского, подлинно народного. Во-вторых, немцы — это все, кто выступает против герценовской теории общинного социализма. Наконец, осторожно попробуем предположить, что со смертью Николая I, потеряв личного врага, Герцен пытался сконструировать себе нового, поскольку Александр II на его роль не подходил.

мов. Дело в том, что в понятии «немецкость» в текстах Герцена 1850-х гг. одновременно сочетаются как негативные коннотации, связанные с национальными стереотипами, так и вторичная семантика, безотносительная к конкретной национальности. Она используется для выражения иных, «социальных и идеологических отношений» [Лотман М.: 116]. К первому случаю относятся, например, германофобские рассуждения об эстляндских баронах в начале статьи «Русские немцы...», а ко второму — переносное значение «немецкости» как ложного и антинародного образа мыслей русских либералов в той же статье.

Случай Герцена, у которого «немецкость» оказывается смыслообразующей метафорой в его историософских построениях, не покажется уникальным, если взглянуть на него с точки зрения художественной прозы середины XIX в.

Образ «другого» (немца, малоросса, поляка) — как интериоризованный, так и экстериоризованный [Лотман: 117–118] — стал важнейшим фактором развития не только идеологии (славянофильства и западничества), но и поэтики русской постпушкинской прозы. Создавая в «Былом и думах» двойственные образы Гервегов — и пошлых филистеров, и демонических растлителей невинных русских, — Герцен обыгрывал сразу несколько немецких типажей русской беллетристики 1830–40-х гг. (см. о них: [Жуковская и др.]). В русле подобных экспериментов двигались в 1850-е гг. и И. С. Тургенев<sup>15</sup>, и Л. Н. Толстой.

Тем самым герценовские тексты оказываются на пересечении сразу нескольких линий развития русской публицистики и высокой прозы 1850-х гг. Связь со второй сферой, несомненно, должна стать предметом самостоятельного исследования.

---

<sup>15</sup> См. далее раздел о немцах у Тургенева, написанный Е. Фоминой.

## ЛИТЕРАТУРА

- Анненков: *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1983.
- Арабажин: *Арабажин К. И.* Герцен А. И. // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 т. СПб., 1890–1907. Т. 8.
- Бакунин: *Бакунин М. А.* Собр. соч. и писем: В 4 т. М., 1935. Т. 3.
- Герцен: *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1965.
- Гинзбург: *Гинзбург Л. Я.* Автобиографическое в творчестве Герцена // Литературное наследство. Т. 99: Герцен и Огарев в кругу родных и друзей. 1997. Кн. 1. С. 7–54.
- Долинин: *Долинин А. А.* Гибель Запада: к истории одного стойкого верования // К истории идей на Западе: «Русская идея» / Под ред. В. Е. Багно и М. Э. Маликовой. СПб., 2010. С. 26–76.
- Жуковская и др.: *Жуковская А. В., Мазур Н. Н., Песков А. М.* Немецкие типы русской беллетристики (конец 1820-х – начало 1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. 1999. № 34. С. 37–54.
- ЛН: Литературное наследство (цитируется с указанием тома, года и стр.).
- Лотман М.: *Лотман М. Ю.* Интеллигенция и свобода (К анализу интеллигентского дискурса) // Россия/Russia. Новая серия / Под ред. Н. Г. Охотина. Вып. 2 [10]: Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. М., 1999. С. 122–149.
- Лотман: *Лотман Ю. М.* К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Лотман Ю. М. Избр. статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 110–120.
- Малиа: *Малиа М.* Александр Герцен: открытие русского социализма / Пер. с англ., вступ. ст., составление, коммент. А. В. Павлова // Космополис. 2005. № 11.
- Паперно: *Паперно И.* Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель // Новое литературное обозрение. 2004. № 68.
- Рогов: *Рогов К.* Декабристы и «немцы» // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 115–117.
- Струве: *Струве П. Б.* С. П. Шевырев и западные внушения и источники теории-афоризма о «гнилом» или «гниющем» Западе // Записки русского научного института в Белграде. Белград, 1941. Вып. 17. С. 201–264.
- Устрялов: *Устрялов Н.* Национальная проблема у первых славянофилов // Русская мысль. 1916. № 10.
- Хомяков: *Хомяков А. С.* О старом и новом. М., 1988.

Paperno: *Paperno, I.* Gercen Family Drama Reconsidered // Russian Literature. 2007. Vol. 61(1–2). P. 1–65.

Schmid: *Schmid, U.* The Family Drama as an Interpretive Pattern in Aleksandr Gercen's "Byloe i dumy" // Russian Literature. 2007. Vol. 61(1–2). P. 67–102.